
«ПЕЙЗАЖ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА» В НАРРАТИВНЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ – ОБЛИК ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

В. Л. Пянкевич

Аннотация: В статье анализируются нарративные и изобразительные свидетельства о «пейзаже блокадного Ленинграда» – дневники, письма, воспоминания, фотографии, живопись, рисунки и графика, с разной степенью достоверности отражающие реальность. В совокупности они обладают достаточным потенциалом для решения исследовательских задач по воссозданию облика осажденного города и его жителей.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда; пейзаж; дневники; воспоминания; живопись; графика; фотография.

LANDSCAPE OF BESIEGED LENINGRAD IN NARRATIVE AND VISUAL SOURCES

Abstract: The article analyzes the narrative and visual evidence of the landscape of besieged Leningrad Diaries, letters, memoirs, photographs, paintings, drawings and graphics, reflecting reality with varying degrees of reliability, together have sufficient potential to solve research problems to recreate the appearance of the besieged city and its inhabitants.

Keywords: Siege of Leningrad; landscape; diaries; memories; painting; graphic arts; photo.

Облик блокадного Ленинграда получил отражение в нарративных, изобразительных документах. В первых (дневниках, письмах, воспоминаниях, интервью), часто носящих глубоко личный, порой исповедальный характер, представлен весь спектр восприятия города, в том числе звуковой пейзаж. Свидетельства из этих документов позволяют воссоздать образ города и горожан на протяжении всего периода войны и блокады. Дневниковые, эпистолярные, мемуарные повествования содержат не только подробное описание зданий, улиц, города в целом, но облика, поведения и эмоционального состояния ленинградцев. Многие темы и сюжеты из нарративных документов воспроизводились и в изобразительных источниках (фотографии, живописи, рисунках, графических листах).

Фотографировать в блокадном городе имели право только военные корреспонденты, хотя среди снимавших были фотографы других организаций и, крайне редко, любители [1, с. 604; 2, с. 268]. Основной массив

снимков – это постановочные, каноничные и строго функциональные фото-плакаты, которые монументализировали войну и ее героев. Сравнительно небольшое количество фотографий – кадры повседневной жизни осажденного Ленинграда. Город для военных корреспондентов, которые рвались на фронт, был проходным, неинтересным объектом [2, с. 269]. Немногие обнаруживали неплакатные сюжеты для съемки в городе. Хотя все больше становилось понятно, что Ленинград стал в подлинном смысле фронтом.

Городской пейзаж зафиксирован в работах художников, коих здесь было немало. Многие из них создавали востребованные плакаты, которые в контексте горьких сообщений о быстром наступлении врага подчас представлялись горожанам неуместными. В то же время визуальная пропаганда, конкурируя с привычными штампами и устойчивыми представлениями, формировала адекватный образ безжалостного врага, воодушевляла и помогала выжить. Ленинградским художникам по сути было запрещено работать на улицах [1, с. 604]. Да и не всем это было по силам. Но кто-то писал, в том числе во время обстрелов. Многие рисовали город по памяти, порой годы спустя. Немало изображений блокадного Ленинграда создали архитекторы. Во время блокады создавались не столько живописные, сколько графические работы. Преобладающими стали пейзаж и бытовой жанр. Некоторые художники и архитекторы создали целые блокадные серии, которые нередко представляют собой изобразительные «дневники» и «письма» из блокадного Ленинграда.

Во всех источниках описаны первые жаркие и солнечные дни войны в Ленинграде, толпы взволнованных и удрученных горожан под уличными радиорепродукторами, очереди у магазинов и сберегательных касс, нестройные ряды мобилизованных, около которых плачущие женщины, грузовики, танки, орудия, заклеенные бумажными полосами окна домов, закрытые досками витрины магазинов, изменившийся до неузнаваемости Невский.

Ощущение угрозы создавали появившиеся в небе аэростаты. В городских парках и садах рыли щели, улицы перегораживали баррикадами, угловые квартиры первых этажей с заложенными кирпичами окнами становились дотами. Иногда целые дома превращались в крепости. Железные «ежи» и цементные пирамиды усеяли город. Укрывали, убирали со своих мест памятники, прежде служившие украшением города. Зарывали в землю городскую, садово-парковую скульптуру, обкладывали мешками с песком и обшивали деревянными щитами большие монументы.

Совершенно меняла образ города маскировка и светомаскировка. Камуфлирование военных объектов, зданий и сооружений, укрытие памят-

ников, маскировка шпилей, куполов, разрушенных жилых домов не только дезориентировало врага, но значительно влияло на восприятие города – его красота меркла. На годы Ленинград был погружен в темноту.

Ошеломлял вид открывавшихся взгляду жилых пространств, когда после прямого попадания фугасной бомбы многоэтажный дом раскалывался до основания. Скрытая от посторонних личная, частная жизнь представляла в виде странного, страшного, сюрреалистического зрелища. Вид страдания, гибели сограждан сочетался с антропоморфным восприятием разрушенных зданий, которые вызвали ассоциации с ранеными и убитыми.

Блокада продолжалась очень долго, но в нарративных и изобразительных источниках главное внимание уделяется смертному времени 1941–1942 гг. Тогда, первой блокадной зимой, город был в состоянии катастрофы – отсутствие транспорта, уличного освещения, воды и света в домах, разрушения, прекращение работы предприятий, трупы на улицах, тишина, заснеженность, пустыньность, пожары, которые становились частым и горестным следствием немецких авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов, а также неосторожных действий самих блокадников в борьбе за тепло и свет. Сгоревшие жилые дома полностью уничтожались огнем на глазах их обитателей, а остовы зданий становились частью ленинградского ландшафта.

Возможность жизни и смерти в огромной мере определяла погода. Привычным стало огорчаться солнцу и радоваться ненастью. Звездное небо и луна превратились в знаки смертельной угрозы. Пустынный Ленинград был покрыт огромным количеством снега, чистыми сугробами, как саваном.

Важной приметой облика блокадного Ленинграда стали сани, в том числе детские салазки. На них доставляли с хлебозаводов в магазины хлеб, возили дрова и, конечно, воду. Часто санки превращались в погребальные повозки. Живописные и графические работы, фотографии, кинокадры содержат изображения санок, которые обычно женщины и дети влекут по заснеженному городу на фоне известных архитектурных символов города, покрытой льдом и снегом Невы.

Многие блокадники свидетельствуют о необыкновенной, «издевательской» красоте осажденного города. Война и блокада стали временем исчезновения в Ленинграде городской цивилизации XX века. Отсутствие городского транспорта, уличного освещения, заводских гудков, чистота воздуха и снега, уменьшение числа людей, хождение за водой на Неву, трава, по весне пробивающаяся сквозь булыжник мостовых, возвращали Ленинград

в прошлое. Тишина, прерываемая воем сирены, гулом самолетов, разрывами бомб и снарядов, плотно окутала город. К январю 1942 г. город обезлюдел. Еще меньше людей на улицах стало летом 1942 г. после вымирания и массовой эвакуации.

В середине осады были уже привычными мертвецы на улицах. Моргами под открытым небом стали напоминавшие высокие поленницы дров штабеля трупов. Невыносимое впечатление производили, надолго оставаясь в памяти, автомобили, заполненные трупами. Изменился вид оставшихся в живых. «Мужчины и женщины, старые и молодые – все выглядели одинаково» [3, с. 75]. С января 1942 г. повсюду встречались люди с землисто-темными лицами, вялыми, медленными движениями, тихими голосами. Голод и холод меняли горожан так, что возникал «блокадный человек – не мужчина и не женщина, а существо без пола, без возраста» [4, л. 50]. Особенно мужчины поражали своим агонизирующим видом: за редким исключением они не могли передвигаться самостоятельно. Бросались в глаза изменения в одежде. Женщины стали ушивать юбки, чтобы не сваливались, ходить в мужской обуви, шароварах, сменили модные шляпки на теплые платки [5, с. 106]. Мужчины перепоясались поверх пальто ремешками, а иногда просто веревками. Ненужными стали костюмы и галстуки [6, с. 156]. Все ослабевшие интеллигенты держали портфель не в руках, так как не было сил, а носили на ремне через плечо [7, с. 151]. Даже летом истощенные блокадники часто оставались в зимней одежде.

В честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады 27 января 1944 г. в городе состоялся праздничный салют. Нарративные описания, художественно-изобразительные источники, а также фотографии и кинокадры с разной степенью достоверности отражают образ ленинградского торжества 1944 г. Реакция ленинградцев, потрясенных салютом, была весьма эмоциональной. Незнакомые люди обнимались, целовались, кричали, пели и плясали. В то же время в Ленинграде царила печаль о тех, кто не дожил до праздника. Блокадники плакали, что не получило отражения в живописных полотнах, графических листах и фотографиях. Последние, однако, не подтверждают нарративных свидетельств о большом количестве горожан, вышедших на улицы, площади, мосты, набережные Невы.

Свидетельства, зафиксированные в нарративных и изобразительных источниках, дополняя и корректируя друг друга, в совокупности позволяют воссоздать пейзаж Ленинграда времени войны и блокады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – СПб. : Лики России, 1995. – 640 с.
2. Рахманова, Т. Д. Ленинград летом – осенью 1941 г. в работах фото-корреспондентов / Т. Д. Рахманова // Северный рубеж. 1941. К 80-летию начала Великой Отечественной войны. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 июня 2021 г.: сб. докл. – М. : РОССПЭН, 2022. – С. 267–274.
3. Горышина, Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни / Т. К. Горышина // История Петербурга. – 2007 – № 1 – С. 71–76.
4. Лелюхина, С. Б. Воспоминания о блокаде // Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. – Ф. Р - 107. Оп. 6. Д. 7.
5. Князев, Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / Г. А. Князев. – СПб. : Наука, 2009. – 1220 с.
6. Кулагин, Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады / Г. А. Кулагин. – Л. : Лениздат, 1978. – 380 с.
7. Назимов, И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2014. – С. 127–200.